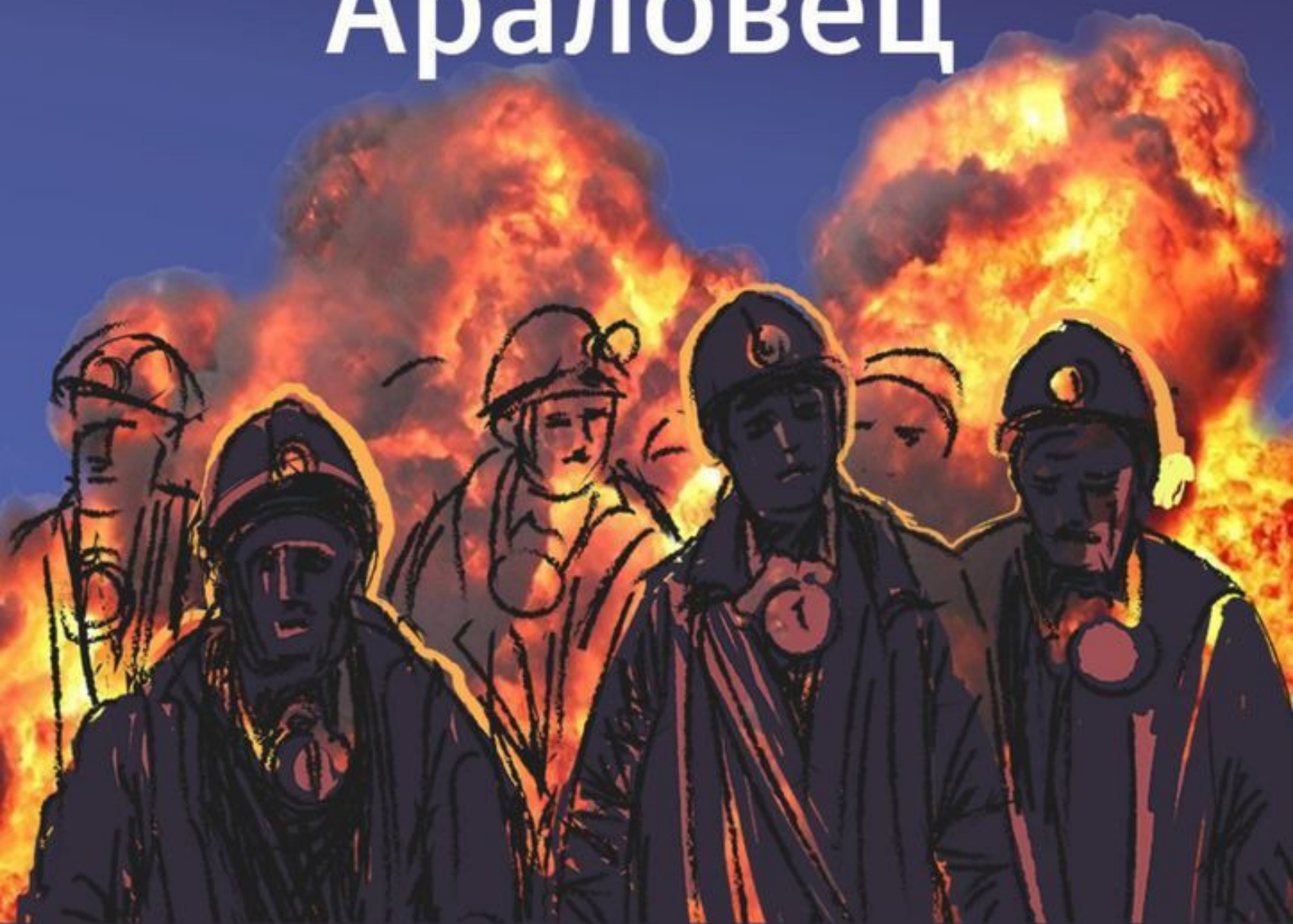


18+

Михаил
Араловец



ВЗРЫВ.

Двадцать лет спустя

основано на реальных событиях



Михаил Араловец

**Взрыв. Двадцать лет спустя.
Основано на реальных событиях**

«Издательские решения»

Араловец М.

Взрыв. Двадцать лет спустя. Основано на реальных событиях /
М. Араловец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553510-8

Размеренную жизнь владельца автосервиса Николая Плотника нарушает появление незнакомой девушки. Выясняется, что у них все же есть общее — их близкие погибли во время взрыва, который произошел на шахте двадцать лет назад. Девушка считает, что настоящий виновник трагедии ушел от ответственности. Она ведет собственное расследование. От аварии на шахте нити тянутся к убийству мэра Углегорска. Плотник подключается к расследованию. Но молодые люди не подозревают, что им грозит смертельная опасность.

ISBN 978-5-00-553510-8

© Араловец М.
© Издательские решения

Содержание

Взрыв. Двадцать лет спустя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Взрыв. Двадцать лет спустя

Основано на реальных событиях

Михаил Араловец

© Михаил Араловец, 2021

ISBN 978-5-0055-3510-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда несправедливость становится законом,

сопротивление становится долгом

Томас Джефферсон

Взрыв. Двадцать лет спустя

Основано на реальных событиях

Плотник не любил зиму. И солнце тоже. Может, поэтому он никогда не снимал темных очков. Даже вечером. Друзья шутили на этот счет: ты, наверное, и спать ложишься в очках? Он в ответ лишь улыбался. Хотя, когда вспоминал, что случилось с его глазами, это не казалось ему забавным.

С зимой у него тоже были свои счеты. Давняя история, после которой его стали преследовать фантомные боли в левой ноге. Тогда он едва не погиб на горном склоне, а последствия тех событий ощущал до сих пор.

Врачи сумели спасти практически отмороженные ноги, но они постоянно напоминали о себе. Поэтому дома Плотник носил толстые шерстяные носки. Они хорошо хранили тепло. На работе к ним добавлялись мягкие вязаные шлепанцы. Летом такая комбинация вместе с шортами смотрелась довольно странно в глазах посетителей, но он научился не обращать на это внимания.

Сегодня с утра Плотник разбирался с квартальным отчетом в налоговую инспекцию. Он сидел в своем автосервисе в кабинете наверху, напоминавшем клетушку, куда вела металлическая лестница. Сверху можно было контролировать весь рабочий процесс, не отрываясь от дел.

Дел было много. На дворе стояла осень, начинались заморозки. День «жестянщика», когда на дорогах неизменно бились машины, давал неплохой доход. А предусмотрительные люди загодя записывались на замену колес с летней резины на зимнюю. Плотник отвечал на многочисленные звонки и распределял в своем ноутбуке время для клиентов. Автосервис, где он одновременно являлся владельцем и директором, имел в Углегорске, небольшом городе, отменную репутацию. Ее создал Плотник, имевший золотые руки и понимающий машины как старых друзей.

– К тебе клиент, – крикнули снизу автомеханики.

– По записи?

Внизу состоялся короткий диалог.

– Нет, это девушка.

– Так клиент или девушка?

– Сам разбирайся! – снизу послышалось довольное ржание.

– Пусть поднимается.

Плотник выглядел недовольным. Звонки шли один за другим, и разбираться, зачем пожаловала девушка, ему было некогда. Когда незнакомка поднялась к нему в кабинет, тут же раздался очередной звонок. Держа телефон возле уха, он молча указал ей на стул, стоящий вприкрык к столу, и поджал ноги, чтобы девушка не видела его носки.

Звонивший, как назло, оказался на редкость занудным. Он никак не мог выбрать день и час, чтобы поменять резину. Девушка посидела минут пять, а потом с раздражением произнесла:

– Я, наверное, позже зайду.

– Нет, нет, я заканчиваю.

Он попрощался с клиентом и спросил:

– У вас какая машина?

– У меня нет машины.

– Тогда что?

– Вы же Плотник? – ответила она вопросом на вопрос.

– Да, – озадаченно произнес он.

– Меня зовут Наталья Яковлева. Я хочу поговорить с вами о том, что произошло в нашем городе двадцать лет назад.

После этих слов она замолчала. Повисла пауза. Плотника охватило нехорошее предчувствие. В кабинете внезапно повисло осязаемое напряжение. Настолько плотное, что, казалось, его можно потрогать руками.

Плотник только сейчас более внимательно разглядел посетительницу. Небольшого роста, плотная фигура, светлые волосы и глаза... Они смотрели тревожно и настороженно, словно их обладатель каждую минуту ожидал неприятностей. Он знал, у каких людей бывали такие глаза.

– Я дверь закрою.

Плотник встал и, не обращая внимания на взгляд девушки, прикованный к его ногам, подошел к металлической двери.

– Меня ни для кого нет, – крикнул он слесарям.

Захлопнул плотно дверь, что прозвучало как взрыв. А это и был взрыв. Даже два взрыва.

– Вы, конечно, помните, что произошло на шахте «Центральная» двадцать с лишним лет назад, – начала она свой рассказ.

Плотник кивнул.

– Вы оказались среди тех, кто потерял тогда почти всех своих родных. Как и я. Но я потеряла всех. Она подчеркнула последнее слово. Осталась сиротой. Вы знаете, что это такое. Последняя фраза прозвучала как утверждение.

Плотник знал.

– Тогда дело замяли. Нашли козла отпущения и все свалили на него. Но мы знали, что это не так. Но доказать ничего не смогли. Настоящие виновники ушли от наказания. Я тогда поклялась себе, что накажу их. Но пришлось очень долго идти к этому, мне тогда было всего десять лет. Не буду рассказывать, как я собирала доказательства. Но они здесь, в этой папке. Особенно самый свежий факт. Она вытащила из пакета обычную картонную папку. С этим можно идти в полицию.

– Прошло уже двадцать лет. Это дело давно закрыто. Никто не будет им заниматься.

– Если мы (Плотник удивился – мы?) будем настойчивы и предоставим доказательства, им придется вернуть дело на доследование. Тридцать девять человек погибло, кто-то должен ответить за это. Полиции не удастся отмахнуться.

– Вы говорите как юрист.

– Я и есть юрист.

Плотник почувствовал вдруг, что он смертельно устал, хотя говорили они всего минут десять.

– Думаю, это бесполезно. Сейчас уже не найти концов. Многих участников уже нет на этом свете.

– Вы поможете мне?

Плотник закрыл глаза. Двадцатилетнее прошлое накатило на него как снежная лавина, придавило, перехватило дыхание. Он уже пережил этот кошмар, горе и ужас, и ему не хотелось вновь возвращаться туда, в темный омут тяжких испытаний, через которые он проходил долгие годы. И которые постарался забыть.

– Вы поможете мне? – она повторила вопрос.

– Это бесполезно.

– Да или нет?

– Нет, я не хочу возвращаться туда, в ад.

– Вы просто трус, вы предали своих близких, – презрительно бросила она, – прощайте.

Посетительница резко встала, подошла к двери и взялась за ручку.

– Подождите, – Плотнику казалось, что это говорит не он. – Дайте мне папку, я посмотрю. Она подошла к столу и с силой бросила папку.

– Здесь копия.

Если бы он не перехватил ее, то она попала бы ему в грудь. Девушка без слов вновь направилась к выходу из кабинета.

– Как мне вас найти?

– Я работаю в нотариальной конторе.

– Адрес.

– У нас что, в городе сотни нотариальных контор? Если захотите, найдете, если нет, то вам не обязательно знать, где я работаю.

– Да, и перед дамой вы всегда появляетесь в носках?

Бросив насмешливо-презрительно эту ядовитую стрелу, она ушла. Плотник посмотрел под стол. Он не заметил, как сбросил шлепанцы, и почувствовал, что краснеет.

Дверь с силой хлопнула за посетительницей и вновь распахнулась. И словно открыла дорогу в другое измерение. Время стремительно унеслось двадцать лет назад, в черную дыру. В тот страшный день, который потряс весь город, и навсегда изменил жизнь четырнадцатилетнего подростка.

Сколько себя Плотник помнил, его всегда звали только так, по фамилии, даже в детстве. Он к этому привык – Плотник так Плотник. Все, кроме одной рафинированной дамы, учительницы русского языка и литературы, классной руководительницы Лидии Александровны. В ее устах его фамилия звучала как в цирке: Никола-ай Пло-о-тник. Очевидно, таким образом училка показывала свое отрицательное отношение к нему. Плотника это мало трогало.

Его отец и старший брат работали на шахте. В шахтерском городе другой работы было мало. Практически все население зависело от добычи угля. Даже завод, поставлявший горное оборудование. Семнадцать шахт выдавали «на гора» миллионы тонн угля в год. Собственно, и Плотнику была уготована та же участь – спуститься под землю.

Все изменилось в начале октября, когда послышался глухой, зловещий гул, задрожала земля, из входа в шахту «Центральная» повалил густой дым. Аварии нередко случались на шахтах. Упрямая статистика говорила, что каждая миллионная тонна угля оплачена одной человеческой жизнью.

Но сейчас город как-то сразу понял, что случилось нечто страшное. Слух о сильном взрыве разлетелся как верховой пожар. К «Центральной» стали стягиваться близкие и родственники смены, которая в это время находилась в забое. Плотник сидел на уроке русского языка, когда в классе задрожали стекла и к небу поднялся столб дыма. Все бросились к окнам.

– «Центральная», – со страхом произнес кто-то из ребят. Плотник побледнел: в этой смене спустился в шахту его отец и старший брат. Он бросился к своей парте, побросал в портфель тетрадь и учебник, и ринулся из класса, игнорируя гневный возглас Лидушки, так школьники звали за глаза классную руководительницу.

Плотник уже не слышал, как кричала учительница, требуя, чтобы ученики вернулись за парты, а она доложит о самовольном уходе, скорее, побеге, хулигана Плотника директору школы.

– У него отец там на смене, – раздался тихий голос маленькой девчушки.

Лидушка обвела взглядом своих учеников, на которых она наводила страх, и которые впервые послушались ее. Они не сдвинулись с места. Это были шахтерские дети.

Плотник скатился по лестнице на второй этаж, распахнул дверь в класс, где занимался младший брат Сашка. Мелкие тоже стояли у окна и смотрели, как к холодному октябрьскому небу поднимаются клубы черного, зловещего дыма.

– Санька, – крикнул он, – побежали.

Брат посмотрел на учителя математики, пожилого мужчину, спрашивая разрешения.

– Иди, Саша, – сказал он.

Когда они прибежали к шахте, она уже была оцеплена. Пожарные, скорая помощь, спасатели и милиция уже начинали свою работу. Возле оцепления, напротив административно-бытового корпуса, скопились люди. Кроме родственников и друзей, здесь находились и любопытные. Происшествия, как магнит, всегда привлекает человеческую натуру. Похоже, взрыв, судачили в толпе.

Со стороны АБК был виден лишь огромный столб черного дыма. Как огромный спрут, он кольцами охватывал небо, извивался, качался под порывами ветра. На промплощадку, или по-другому шахтный двор, никого не пускали. Однако Плотник знал здесь все ходы и выходы. Надо было выяснить, что же произошло. Он крикнул брату:

– Пошли!

Но Сашка схватил его за рубашку.

– Мать.

Плотник обернулся и увидел мать, которая спешила с другого конца улицы. Он закричал, привлекая ее внимание. Она остановилась, повертела головой, наконец, увидела сыновей и бросилась к ним.

– Что, что случилось? – крикнула мать. – Где отец и Ваня?

Так звали старшего сына.

– Похоже, взрыв, но никто ничего не говорит, на шахтный двор никого не пускают, – ответил Плотник. – Но я знаю, как туда попасть.

– Как?

– Со стороны одноколейки.

Основные наземные узлы шахты располагались следующим образом. В восточной части находился административно-бытовой корпус. Несколько лет назад, когда шахта модернизировалась, с юга к нему возвели небольшую пристройку, где появилась вторая проходная. Наискосок слева, если встать лицом к административно-бытовому корпусу, на шахтном дворе находился копер, служащий для спуска и подъема горняков, а также для подъема угля из лавы. Ее глубина составляла 500 метров. Копер соединялся транспортировочным конвейером, по которому уголь поступал на погрузочную эстакаду с бункерами. Оттуда он подавался в вагоны, которые приходили на промплощадку с юга по одноколейным железнодорожным путям. Также на юге, уже за пределами шахтного двора, высился террикон из пустой породы. Справа от копра находился вентиляционный узел с установками главного проветривания, расположенный на поверхности вблизи вентиляционного ствола. Справа, наискосок от вентиляционного узла, располагался ремонтный цех, а рядом гордость всей шахты – оздоровительный комплекс с бассейном и сауной. Ограды вокруг промплощадки не существовало, ее окружали лишь густые заросли кустов и деревья.

Плотник с матерью и Сашкой быстро обежали промплощадку с юго-востока и вышли к одноколейке, на которой стоял железнодорожный состав, готовящийся под погрузку угля. Его задержали в связи с недавними событиями. Возле вагонов стояли два сержанта милиции в бронежилетах и с автоматами.

– Они нас не пустят, – с досадой сказал Плотник.

Мать не ответила и подошла к милиционерам.

– Что произошло на шахте?

– Не знаем. Нас послали в оцепление, приказали никого не пускать.

– Почему с автоматами?

– Весь горотдел подняли по тревоге. Доставили сюда. Большого сказать не можем.

– Пожалуйста, пропустите. У нас там отец и старший сын.

Мать едва не плакала.

– Нет. У нас приказ.

– Ну, пожалуйста!

Мать рванулась вперед.

– Гражданка, не делайте глупостей!

Один из сержантов положил руку на автомат. Другой что-то говорил по рации.

– Что вы делаете, сволочи!!

– Мать, – Плотник потянул ее за руку. – Пойдем.

Взгляд сержанта стал жестким и он понял, что уговаривать милиционеров бесполезно.

– Пойдем, – повторил Плотник, – найдем другое место.

Его услышал другой сержант.

– Там опасно на самом деле, – хмуро сказал он. – Лучше вам туда не ходить. Вас все равно не пропустят. Хотя... Видите вон ту кривую березу?

Они посмотрели туда, куда указывал сержант.

– Там еще не успели выставить оцепление, можно пройти, добавил он. – Но я вам ничего не говорил.

Они побежали в обратную сторону к березе. Мать уже не сдерживала слезы. Там несколько женщин и детей лезли через кусты, мешая друг другу. Плотник с матерью и Сашкой тоже кинулись туда. Людей, которые проникли на промплощадку подобным образом, через зеленую изгородь, уже собралось довольно много. В основном женщины и дети.

Здесь царил хаос. Взрывом повредило здание копра и частично вентиляционной системы. На промплощадке метались женщины и дети в поисках новостей и своих близких.

Смена уже выходила из забоя: черные, опрокинутые, лица. Некоторых поддерживали товарищи. Среди шахтеров были раненые – обожженные и надышавшиеся метаном. Их спешно увозили скорые, спасатели и милиция опрашивали шахтеров. К уцелевшим бросались родственники, жены, сестры, дети – обнимаясь и плача слезами облегчения.

Появилась первая информация: в одной из лав произошел взрыв метана. Толпа начала требовать, чтобы им объяснили, что произошло. К людям вышел директор. Он начал что-то объяснять, успокаивать собравшихся, но на него кричали – убийца. Это стало ясно после того, как из забоя не вышли двадцать человек, в том числе отец и брат Плотника. Они работали в одной бригаде.

– Успокойтесь, мы всех спасем, – повторял директор шахты, но ему не верили. Достоверной информацией никто не обладал.

Хмурые горноспасатели с напряженными лицами готовились к спуску в забой. Одевали защитные комплексы. Под землю спустились несколько отделений для разведки и помощи пострадавшим. Масштаб катастрофы еще не был адекватно оценен.

Плотника вместе с Сашкой и мать с окаменевшим лицом чуть ли не насильно увели в автобус спасателей. Это их и спасло.

Через четыре часа раздался второй взрыв, мощнее первого. Он стал роковым для спасателей.

В это время наверху, у входа в шахту, собралась большая группа шахтеров – те, кого только что подняли из-под земли, и новая смена. Именно их и накрыло второй взрывной волной, которая была настолько мощной, что через вентиляционные колодцы вырвалась на поверхность и довершила начатый апокалипсис. Пять человека погибло, том числе экипаж скорой помощи, автомобиль которой притормозил возле полуразрушенных надземных вентиляционных построек, чтобы забрать пострадавшего горняка.

Когда раздался второй взрыв, от ударной волны автобус сильно накренился, словно какой-то великан качнул его, не рассчитав силу. Находящиеся в нем люди в панике кинулись на улицу. Но здесь было не лучше: промплощадка напоминала поле боя с убитыми и ранеными.

Крик ужаса, вырвавшийся одновременно из десятков голосов, был слышен далеко в городе. Все было кончено. Шахта, как ненасытное чудовище, поглотила еще десятки жизней. Мать страшно завывала. Плотник никогда не видел ее такой. Он словно онемел, все чув-

ства исчезли, словно выжженные огнем из шахты. Остались гнев и отчаяние. Гнев и отчаяние душили его! Гнев – за что, почему?! Отчаяние – в одно мгновение рухнула прежняя жизнь. И никогда не вернется. Сашка прятал глаза, худенькие плечи его дрожали, но брат не плакал. Плотник знал точно, и знал – почему.

Милиция просила родственников покинуть промплощадку. Но никто не уходил. Плотник с матерью и младшим братом Сашкой не разговаривали, они ждали. Томительно тянулось время. Мать, атеистка, крестилась и шептала про себя слова молитвы.

Октябрьский день был на удивление теплым, очевидно, уже последним этой осенью. Грекло солнце и на голом открытом пространстве, без всякой тени, было жарко. Но люди этого не замечали. Плотник закинул голову в бирюзовую небо и подумал, что сейчас его друзья играют в футбол с извечными соперниками из соседнего класса. Как он хотел бы оказаться там, в мирной жизни!

Плотник посмотрел на часы на руке матери. Уже полдня они находились здесь, и никакой информации. Но он готов был стоять тут вечность, лишь живы были отец и брат. Сашка тоже терпеливо ждал, чего – чего, а терпения ему было не занимать.

– Когда же это кончится? – с мучительной тоской в голосе произнесла мать. Но как показали последующие события, все только начиналось.

В результате взрывов на глубине почти в полкилометра погибли 20 шахтеров, еще трое горняков на шахтном дворе, фельдшер и водитель скорой помощи, а также 14 спасателей, которые спустились в шахту после первого взрыва. 80 человек попали в больницу с травмами различной степени тяжести.

Город застыл, парализованный страшными вестями. У погибших были семьи, друзья, родственники – горе коснулось сотен людей. Они требовали наказать виновных.

Поиски оставшихся внизу шахтеров и спасателей начались только через день. В шахту было слишком опасно спускаться, пояснил начальник спасательного отряда родственникам пропавших горняков. Это означало, что шансов на спасение почти не осталось.

Только спустя полтора месяца после взрывов удалось найти первого погибшего. Спасатели шли по штрекам, а на дугах металлокрепки мелом писали фамилии. Крупными буквами – Вовк, Петров, Ершов. Так отмечали место, где их нашли. На почве забоя оставались большие шары белого-белого, белее снега, грибка. Такие следы оставляли тела. Ликвидация последствий и разбор завалов завершились через тринадцать месяцев после происшествия. Целый год в городе шли похороны. Но десятерых горняков так и не нашли. В их числе были отец и брат Плотника.

Из Кузбасса прибыли два звена горноспасателей на помощь местным. Считается, что в Кузбассе имеют большой опыт по извлечению шахтёров во время взрывов, аварий, всевозможных трагедий. Прилетели два звена. У одного из прибывших на помощь спасателя что-то случилось с аппаратурой, он погиб. Погиб отец двоих детей. Из Угледорска гроб с ним отправили на родину.

Раненых сначала отправили в городскую больницу, затем в областной ожоговый центр. У них были комбинированные травмы. Не только воздействие температурного фактора. Взрыв вызвал контузию, сотрясение головного мозга. Кроме того, были термоингаляционные поражения – ожоги дыхательных путей с развитием пневмоний, дыхательной недостаточности. Ну и, конечно, поражение кожных покровов. Это расценивается как очень тяжёлая травма. Некоторые из горняков были подключены к аппаратам искусственной вентиляции лёгких, была проведена терапия. И, к счастью, и это делало честь ожоговому центру, ни один из раненых не погиб. В больнице даже пострадавшие с лёгкими травмами провели около месяца, а самых тяжёлых выписали к Новому году.

В ожоговом центре многие шахтеры зарекались спускаться в забой ещё раз. Но после выписки и реабилитации все они вернулись к прежней работе. Им просто было некуда деться. Через два года шахту закрыли, а за ней и все остальные. Нерентабельное производство.

Когда ударил второй взрыв, означавший конец всех надежд, Плотник как будто онемел, все чувства испарились, словно выжженные огнем из шахты. Остались гнев и отчаяние. Гнев и отчаяние душили его! Сашка спрятал глаза, худенькие плечи его задрожали, но брат не плакал. Это Плотник знал точно, и знал – почему. Сашка не мог плакать.

Он был последышем в семье. Отец с матерью хотели после рождения двух сыновей девочку, но родился горбун.

С самого дня рождения он выглядел как старичок: острый нос, сморщенное личико, жидкие волосы. Хлопот родителям новорожденный не доставлял – никогда не плакал. Сначала этому радовались, потом забеспокоились: вдруг болен? Но нет, в этом смысле мальчик был здоров, и на этом успокоились.

Позже, когда Сашка подрос, мать объясняла эту особенность тем, что у него были забиты слезные пазухи. Так сказал ей врач. Но Плотник знал, что чертов горбун упрям до безобразия и не плакал из вредности. У него лишь дрожали плечи. Эту особенность знал лишь Плотник.

Из-за упрямства он доводил окружающих до белого каления. Изменить свое мнение, если оно даже было ошибочным, заставить Сашку было невозможно. Ко всему прочему горбун никого и ничего не боялся. Он был хил телом, но не духом.

Взрывы на шахте привели к многочисленным трагедиям в городе. Сломленные люди спивались, уезжали, тяжело болели, распадалась семья. Весь город потрясла трагедия, произошедшая в семье горноспасателя Владимира Ленова. Его молодая супруга потеряла ребёнка, а отец покончил с собой. Он взял бутылку коньяка, банку бензина, вышел из дома, отошёл метров двести. Третью коньяка не допил, поставил бутылку в снег, облил себя и чиркнул зажигалкой. Нашли его по остаткам кроссовок и сердечному клапану – металлический был. По нему и опознали.

Беда не обошла стороной и семью Плотников. В единственной школе рабочего поселка верховодила троица хулиганов, возглавлял которую кавказец Джаял. Они держали в страхе всех учеников, собирая с них дань. К младшим Плотникам они не подходили, зная, что их старший брат водит дружбу с блатными. Как только тот погиб, Сашку завели в туалет и потребовали заплатить. У него не было ни копейки. Тогда Джаял приказал, чтобы тот завтра принес деньги. Сашка отрицательно помотал головой. Джаял повторил:

– Деньги, придурок.

Сашка молчал. Тогда Джаял ударил горбуна. Он упал на заплеванный пол туалета. Его начали бить, приговаривая:

– Горбун, проси пощады. Давай, поговори с нами. Или ты нас считаешь дешевками, козел?

Сашка молчал. Все более разгораясь от его молчания, троица пинала горбуна, пока наиболее вменяемый из них не остановил побоище.

– Тварь горбатая! – бросил, уходя, Джаял. – Деньги все равно принесешь, или второй горб тебе обеспечен.

Сашка не издал ни звука, не проронил ни слезинки. Он сел, опираясь больной спиной о стенку туалета. Попытался подняться, но не смог, руки стали скользкими от крови, и он вновь откинулся к стене, теряя сознание.

Плотнику сказали об этом, когда уже прозвенел звонок на урок. Он бросился на первый этаж в туалет. Сашка полулежал с помертвевшим и окровавленным лицом.

– Брат! – закричал Плотник. – Брат! Кто?!

Хотя уже знал ответ. Сашка лишь глухо застонал.

Плотник поднял брата на руки. Он оказался легче перышка. Сломая ноги Плотник бросился в медпункт на третий этаж. Медсестра вызвала скорую, и Сашку увезли в больницу.

Директор школы сообщила об инциденте в милицию.

Через день пришел похмельный участковый. Поговорил с криминальной троицей, те все отрицали. Плотник назвал имена избивших брата говнюков, но он не был свидетелем. Школьники тоже знали, но молчали. Боялись. Директор могла лишь предполагать. Участковому ужасно хотелось опохмелиться, и он был рад поскорее покинуть школу. Дело об избиении Александра Плотника так и не было открыто.

Мать ходила к участковому, но ничего не добилась. Тот посоветовал ей забрать заявление, свидетелей нет, а у подозреваемых есть алиби: в это время они находились в спортзале. Это подтверждают их одноклассники.

– Запугали, – уверено произнесла мать.

– Возможно, хотя как запугать сразу полтора десятка человек? Не представляю, – развел руками участковый.

– Поговорите с ними.

– Говорил.

– И что?

– Стоят на своем. Что я могу сделать? Тоже запугать? – он криво усмехнулся. – Так будете забирать заявление?

Мать ничего не ответила и молча вышла из кабинета участкового.

Плотник выслушал мать и тоже ничего не сказал. А на следующий день отправился в гаражный кооператив, который находился на окраине поселка. Там, в одном из сдвоенных гаражей, находилась никем не зарегистрированная, подпольная автомастерская. В ней умельцы, друзья старшего брата Плотника, разбирали на запчасти угнанные машины. Кроме этого, она предназначалась для еще одного нелегального, но очень прибыльного бизнеса. Здесь разливали водку.

Все было устроено очень хитро. На одном из сдвоенных гаражей, где находился водочный бизнес, постоянно висело два крепких замка, которые никогда не открывались. Вход в него вел из смотровой ямы автомастерской, над которой постоянно стояла какая-либо машина. Пустая тара доставлялась через подземный проход, соединяющий два гаража. А оттуда в автомастерскую доставлялся «продукт», который тут же грузился на машину и развозился по ночам по киоскам и мелким магазинчикам. Старший брат Плотника помогал сбывать паленую водку. Прикрывали нелегальный бизнес менты.

Когда Плотник пришел в кооператив, все гаражи, кроме одного, по причине раннего времени были закрыты. Возле огромных металлических дверей, прислонившись к косяку, курил парень в промасленном рабочем комбинезоне. Плотник его знал – это был лучший автомеханик и спец по разборке авто по кличке Слесарь.

– Здравствуй.

– Здравей видали, – лениво протянул Слесарь. – Че надо?

– Дай кастет.

– А, ответку за брата замутить хочешь.

Плотника осведомленность Слесаря не удивила. Эти парни знали в городе все, что касалось криминала.

– Да, – коротко ответил он.

– Помощь требуется?

– Не, я сам.

– Ну, смотри.

Слесарь исчез в темноте гаража, и через минуту вышел с кастетом, отлитым из латуни.

– Держи.

Плотник взял кастет, надел на руку. Он оказался великоват.

– Перчатку одень, – посоветовал Слесарь, – так в самый раз будет, и руку не отобьешь.

– Понял, – ответил Плотник, и повернулся, чтобы уйти.

– Эй, парень, – окликнул его Слесарь.

– Что?

– Кастет не забудь вернуть.

Плотник поджидал неразлучную троицу после уроков на школьном дворе, в месте, где по традиции выясняли отношения и курили на переменах школьники, прячась от учителей. По странной прихоти проектировщиков в конце правого крыла школы оставили открытое пространство, что-то вроде большой веранды. Сверху над ней нависал второй этаж, а подпирали три колонны. Из окон школы было не видно, а с улицы ее закрывали деревья. Плотник логично рассудил, что троица придет туда покурить. Так и вышло.

Кастет Плотник держал за спиной. Как только шпана ступила на веранду, он изо всей силы, на которую только был способен, ударил Джаила. Смачно хрустнула кость, и подонок упал, схватившись за лицо. Кричать он не мог и лишь катался по пыльному бетону. Плотник сломал ему челюсть. Пользуясь преимуществом внезапности, он двинул второму. Но тот успел отпрыгнуть, и кастет попал в грудь, сломав ребро. Второй тоже вышел из игры. Плотник мгновенно развернулся к третьему, готовясь ударить. Тот выставил вперед ладони и испуганно зачистил:

– Что ты, что ты, что ты... Все, все, все...

Плотник спрятал кастет в карман и молча ушел.

Даром ему это не прошло. Родители Джаила написали заявление в милицию, и Плотник пережил немало неприятных минут. Но обошлось, по иронии судьбы он оказался в одной компании с этой гопотой – на учете в комнате для несовершеннолетних.

Мать боялась, что Джаял с друзьями будут мстить Плотнику. Но и тут обошлось. В один прекрасный день в школе появился Слесарь. Блатной походочкой он шел по школьным коридорам, один его вид распугивал учеников. Слесарь подрулил к Плотнику.

– Ты кое-что забыл.

– Кастет?

– Угу.

– Он пока нужен. Я отдам.

– Если ты о Джаиле и его друзьях, то все улажено. Они тебя не тронут. Это бонус в память об Иване.

После взрыва в их семье все покатило под откос. Мать начала пить. Бабка ее ругала, прятала спиртное, укоряла детьми, но она лишь отмахивалась. Пропивала и пенсию по потери кормильца и зарплату. На работе долго терпели: понимали ситуацию. Вначале относились с сочувствием, но постепенно отношение менялось. У матери начались запои, она не выходила на работу по несколько суток. В конце концов, терпение кончилось и ее уволили. В маленьком городе это было как клеймо – отверженная. На другую работу она устроиться не смогла – не брали, учитывая ее репутацию. Да она и сама уже не хотела. Пьянство затягивало ее в черную дыру, откуда невозможно вырваться.

...Этот день Плотник запомнил навсегда. Они с братом возвращались из школы. Заканчивался учебный год и Плотник раздумывал, где бы ему подработать. Пьянка матери высасывала из семьи все деньги, фактически они жили на мизерную пенсию бабки. Слесарь предлагал работу, но Плотник представлял себе, чем ему придется заниматься и пока не дал ответа. Лишь крайний случай мог заставить его стать участником криминального бизнеса. Но пока он не наступил.

Еще издали они увидели, что у ворот их дома припаркованы милицейская «Газель» и машина скорой помощи. Плотник остро почувствовал неладное. Они с братом ускорили шаг, а потом побежали. Во дворе милицейский капитан беседовал с врачом. Увидев их, он знаком показал, чтобы братья остановились.

– Вы кто?

– Плотники. Братья.

Капитан тяжело вздохнул и ничего не сказал. Врач вопросительно произнес:

– Может, не надо им туда ходить?

В это время из дома вышла пожилая женщина с чемоданчиком в руке.

– Стопроцентное самоубийство, – деловито произнесла она, обращаясь к капитану.

Страшный смысл этих слов облекся в плоть, когда они, несмотря на протесты доктора, впрочем, не очень активные, вбежали в дом. Взгляд сразу остановился на белой простыне, под которой виднелось очертание тела. Мать! Из-под простыни виднелся обрывок бельевого веревки. На столе стояли две пустых бутылки, засохший кусок сыра и корка хлеба, два стакана, один пустой, другой наполовину наполненный остывшим чаем.

Сашка побледнел, вцепился за его рукав, и Плотник почувствовал, как дрожит его тело. Напротив, на кухне, молодой человек в штатском беседовал с бабкой. Вернее, пытался, потому что она все время бессвязно причитала. Следовательно пытался успокоить бабушку, но увидев братьев, она истошно заголосила.

– Сиротинушки-и!

Выяснилось. Мать пила с утра, а потом, когда дома никого не было, взяла бельевого веревку и повесилась на ручке кровати, на которой сейчас лежала. Она стала еще одной жертвой взрыва.

В дом вошел санитар с носилками.

– Парни, помогите ее вынести, я один не справлюсь.

Тело матери оказалось до странности тяжелым, хотя она отличалась субтильным телосложением, да и ее образ жизни в последнее время никак нельзя было назвать здоровым.

...Деньги на похороны, как ни странно, принес Слесарь.

– От братвы, – коротко сказал он.

Немного собрали товарищи отца и Ивана, с которыми они работали в одной смене. От руководства шахты, на которой всю жизнь трудился отец, никакой помощи не последовало. Начальству было не до этого.

На кладбище народу собралось немного: несколько соседей, старинная подруга матери, которая единственная не оставила ее, и пара шахтеров, уже бывших.

Шел дождь, мелкий и холодный. Но Плотник не чувствовал холода. Его душили гнев и отчаяние. И он поклялся, что у него никогда не будет семьи.

Орган опеки не разрешил бабке оформить опеку над братьями-сиротами. Плохое здоровье, мизерная пенсия и возраст – все это сыграло свою роль в отказе. И отныне судьбы Плотника и Сашки должны были разделиться.

Плотнику исполнилось 16 лет, он закончил девятый класс и мог воспользоваться преимущественным порядком, чтобы быть зачисленным на бюджет в среднее специальное учебное заведение. Государство будет обеспечивать его в течение всего обучения бесплатным питанием и проживанием, медпомощью, а также комплектом одежды, обуви. Он подал документы в автотракторный техникум.

С Сашкой ситуация обстояла сложнее. Его, тринадцатилетнего, ждал детский дом. Тут ничего нельзя было поделать. Но брат уперся, как мог упереться только чертов горбун. Плотник знал, что Сашка мог сделать все, что угодно, лишь бы не попасть туда. Оба знали, что

ждет его там: издевательства, унижения, побои. Дети часто бывают жестокими, а тем более к сверстникам с физическими недостатками.

Плотник решил встретиться со школьным учителем математики Иваном Павловичем, который отмечал за Сашкой недюжинные способности. Хотел попросить о помощи, хотя и сам не знал, как и чем мог помочь скромный педагог. Но выхода не видел. Плотник знал, что брату никак нельзя было в детдом.

К Ивану Павловичу он зашел после уроков. Открыл дверь в кабинет математики и просунул голову. Учитель проверял тетради.

– Заходи, Коля, – увидев Плотника, пригласил учитель. – Бери стул, присаживайся. Догадываюсь, о чем ты хочешь со мной поговорить. О брате, верно?

– Нельзя ему в детдом, погибнет, – Плотник остался стоять.

– Нельзя, – согласился Иван Павлович. – Он талантливый парень, его в хорошие руки надо, а там, к сожалению, это проблема.

– Что же делать? Может, из города уехать?

– Это не поможет, – коротко ответил учитель. – Дай подумать.

В разговоре повисла пауза. Иван Павлович достал из-под стола свой потертый кожаный портфель и начал там рыться. Хана, если Палыч чего-нибудь не придумает, думал Плотник, придется делать ноги из Углегорска. А куда? С Сашкой далеко не убежишь. Нет, это не вариант. Безнадега – вот самый верный вариант.

Словно подслушав мысли Плотника, Иван Павлович произнес:

– Безвыходных ситуаций не бывает. Вот то, что нам поможет.

Он вытащил из портфеля записную книжку. Плотник с недоумением смотрел на учителя, на то, как он любовно гладит потрепанный, пухлый томик, из которого торчали листы бумаги. Учитель перехватил скептический взгляд Плотника.

– Не смотри так, Коля, здесь есть человек, который может помочь. Вернее его телефон. Это мой старый друг, однокурсник. Он живет в Липецке и возглавляет одно любопытное учреждение.

Сделаем так: я постараюсь сегодня до него дозвониться, а ты приедешь ко мне завтра в это же время. Сколько сейчас?

Иван Павлович посмотрел на часы. Два. Вот в это время и жду тебя.

– Спасибо, – Плотник постарался придать своему голосу твердость, – я приду.

Но он сомневался, что какой-то мужик из Липецка сможет решить его проблему. Да и будет ли Палыч звонить? Может так, для вида пообещал, чтобы создать видимость заботы. Однако Иван Павлович слово сдержал. Когда на следующий день Плотник пришел к нему в назначенное время, он узнал, что Сашка должен ехать в Липецк, в Центр поддержки одаренных детей «Стратегия».

Плотник унес папку, которую оставила ему Наташа, домой. Он принял душ, приготовил ужин, поел. Делал все медленно, не спеша, поглядывая на папку, но не открывая. Плотник признался себе, что боится, боится выпустить черного джина, которого спрятал в клетках своей памяти много лет назад. Он сел в кресло перед телевизором, но невидяще смотрел на экран, он видел совсем другое.

После взрывов на шахте город начал медленно умирать. Когда первый шок прошел, горняков и их семьи ждал новый удар. Разрушенную «Центральную» восстанавливать не собирались, а значит, сотни шахтеров лишались работы. Так распорядился владелец шахты, местный олигарх Валерий Юверич. Карманный профсоюз, которому, по слухам, он заплатил, развел руками: ничего сделать не можем, все по закону. А потом в полном составе уволился.

Вернуться на работу в затопленную шахту горнякам было невозможно. Пикеты возле офиса олигарха быстро сошли на нет из-за их явной бесперспективности. Власти Углегорска

от проблемы фактически отстранились, как подозревали из-за тесной связи руководства города с Юверичем. Так что методов борьбы у шахтеров не осталось. Они в бессилии лишь могли наблюдать, как оборудование и металлоконструкции надшахтных построек режут на металлолом. Единственным действующим местом на шахте остался лишь одноэтажный барак, служивший ранее складом для оборудования. Теперь здесь разместились скупка металлолома, куда местные бомжи, наркоманы и пьяницы сдавали металл, остатки которого еще оставались на месте погибшей шахты. Тащили ту мелочь, которую не посчитали нужным забрать ликвидаторы.

Возле останков шахты, там, где почти под полукилометровым слоем лежал отец и старший сын Плотника, поставили стелу с выбитыми на ней фамилиями погибших горняков. Найти это место, поверхностную отметку подземного взрыва, было легко. Надо пройти железнодорожный переезд за поселком Третий участок и идти в сторону поселка Горный. Пройти метров полтора, спуститься вниз, вправо, в полосе высоких акаций. Здесь и можно увидеть стелу.

В центре города тоже возник памятник погибшим шахтерам. По злой иронии его соорудили на деньги олигарха Юверича, бывшего владельца «Центральной». Поэтому родные, близкие, друзья, простые жители в день гибели шахтеров приходили именно к стеле. Кладли цветы, записочки, поминали ушедших рюмкой водки, стояли молча, воскрешая в памяти облик своих отцов, мужей и сыновей. Вначале народа собиралось много, потом все меньше и меньше. Люди уходили из жизни, уезжали из ставшего ненавистным города, болели и уже не могли навещать своих. Когда Плотник вернулся из армии, у стелы он обнаружил лишь горстку людей. Еще он узнал, что в городе закрыли уже половину шахт. Прошло еще несколько лет и все 17 шахт, которые полукругом окружали город, оказались закрытыми, исчезли, как будто их не было.

Специалисты объясняли это породой добываемого угля. Он имел большую зольность и не годился для металлургического комбината, расположенного рядом с Углегорском областного центра. Качественный коксующий уголь доставляли из Кузбасса. Углегорский уголь шел на ТЭЦ и в частные хозяйства. Но когда и энергетики отказались от него, тогда нерентабельное производство исчезло. Вместе с шахтами закрылся и завод по производству горного оборудования. Промышленный хребет города перебили окончательно.

Плотник, Сашка и Иван Павлович мерзли на перроне железнодорожного вокзала в ожидании поезда на Москву с пересадкой на Липецк. Октябрьский вечер был стыл, с неба падали редкие снежинки, пахло креозотом и тем непередаваемым железнодорожным, неистребимым запахом дезинфицирующих средств. Все трое молчали, особо говорить было нечего, детали обсудили заранее. Плотник не замечал холода, хотя казенное пальтишко совсем не грело, а вот Сашка дрожал, только непонятно было – от холода или от чего-то другого.

Учителю все же удалось договориться, чтобы Сашку отправили в липецкую «Стратегию», в школу-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В нее направляли одаренных ребят. Для этого понадобилось два с половиной месяца, тяжелых и безрадостных. На Сашку оформили документы для отправки его в детский дом, но Плотник не позволил органам опеки упечь туда брата. Когда за Сашкой пришли к ним в дом, его там уже не было. Плотник спрятал брата в своем общежитии. Приходили и туда, с милиционером, но где было найти беглеца в битком набитом пятиэтажном здании среди десятков отчаянных сорванцов. Сашка сидел там сиднем два нервных месяца, не ходил на улицу и в школу. Еду ему приносил Плотник из столовой, его друзья помогали, чем могли. В общем, продержались, пока не пришли бумаги из Липецка.

...Перрон прорезали два острых луча света – это подходил поезд. Сашка вцепился в пальто брата, прижался к нему, и на замерзшую руку Плотника упала капля. Неужели Сашка заплакал!? Или это растаяла снежинка?

Плотник смотрел на приближающийся поезд. Сашка в старой, потертой куртке, которую донашивал от старшего брата и которая ему была велика, напоминал гнома. Оба они словно оцепенели.

Состав остановился и начал глотать пассажиров. Иван Павлович мягко положил руку на плечо Сашки – пора. Он уезжал вместе с Сашкой. Но брат не отреагировал, он по-прежнему не отпускал Плотника. Руки у чертова горбуна были мощные, попробуй, отцепи.

Иван Павлович сильнее потянул Сашку на себя.

– Брат, – сказал Сашка, – брат!

Он зажмурился, побледнел до синевы, лицо его задрожало.

У Плотника предательски защипало в носу.

– Иди, Сашка, – выдавил он из себя. – Я напишу.

Брат расцепил руки и обреченно побрел к вагону. С горбом и склоненной головой он напоминал маленькую нахохлившуюся птичку. Иван Павлович, подхватил сумку, взошел следом за Сашкой в вагон и помахал Плотнику рукой.

– Все будет хорошо.

Поезд тронулся. Плотник запрокинул голову и посмотрел в небо. Но увидел только свет вокзальных фонарей. Он зажмурился. Снежинки падали ему на лицо, таяли, холодили кожу, но некоторые почему-то были солеными.

Плотник раскрыл папку. Полистал. Наташа аккуратным, каллиграфическим почерком записывала воспоминания участников тех событий, делала копии статей из газет, фотографии, распечатки посты из соцсетей, которых, впрочем, было мало. Со временем интерес к трагедии двадцатилетней давности постепенно угас. Плотник тяжело вздохнул и начал листать. Много из того, что в ней содержалось, ему было известно.

Официальному расследованию причин аварии многие в Углегорске не верили. Ни правительственной комиссии, которую возглавлял заместитель министра топлива и энергетики России, ни следственной бригаде, которой руководил прокурор области.

А ведь октябрьским взрывам предшествовал взрыв поменьше, вспомнил Плотник. Он произошел на «Центральной» летом предыдущего года. Сдетонировала смесь воздуха с метаном, который скопился в выработанной породе. Погиб один рабочий, еще 24 человека были эвакуированы. Из данных уголовного дела следовало, что тогда никто из должностных лиц происшествие не проанализировал и никаких выводов не сделал. Во время следствия выжившие в аварии на «Центральной» горняки утверждали, что их начальство знало о проблемах с высокой концентрацией угольной пыли (именно она усугубила разрушительное действие октябрьских взрывов) и загазованностью шахты. Причиной этих проблем была неправильная схема вентиляции, запрещенная Ростехнадзором еще за три года до трагедии. Но никаких мер по исправлению ситуации на «Центральной» предпринято не было.

– Кто бы мог подумать, – криво усмехнулся Плотник, переворачивая страницы, – городом правил князь по фамилии Юверич. Без его ведома и разрешения в Углегорске ничего не происходило. Ничего не изменилось и на «Центральной».

В день трагедии под землей в разных частях выработки общей длиной более 300 километров, а это больше, чем протяженность московского метро, находилось 159 горняков. В одном из пластов забоя начал тлеть уголь, и вскоре тление достигло другого пласта, где копился метан. В 12 часов 40 минут (по судебным материалам) в шахте прогремел первый взрыв. Его сила была такова, что он повредил здания на поверхности. От этого взрыва погибли двадцать человек. Пять – от взрывной волны, остальные – от отравления угарным газом. У некоторых из их не было самоспасателя – специального прибора с запасом кислорода примерно на час, который выдают шахтерам на случай аварии. Другие либо не успели им воспользоваться, либо им не хватило запаса воздуха, чтобы добраться до поверхности.

Первый взрыв нарушил работу вентиляции, тут и там локально вспыхивал метан, а взрывная волна вымела из выработки скопившуюся там угольную пыль. В итоге эта пыль сдетонировала, и через четыре часа произошёл второй, более мощный взрыв. Он разрушил строения на поверхности, обломками убило трех шахтеров, водителя и фельдшера «Скорой помощи». А в шахте накрыло спасателей, ищущих пострадавших. В итоге 14 из них погибли.

После второго взрыва поисково-восстановительные работы решили прекратить. Плотник взял копию вырезки из газеты «Углегорский рабочий», вышедшую через неделю после взрывов.

«На поверхности бурили скважины, туда нагнетали азот, чтобы потушить огонь. Работали спецмашины, устанавливали разные перемычки в шахте, чтобы изменить вентиляционную струю и убрать поступление кислорода. Потушить уже после взрыва огонь, подземный пожар не удалось, – писал журналист Виктор Тимашов. – Тогда было принято решение затопить забой. Его затопили. И ещё прошло полгода, прежде чем всё улеглось, всё утихло, и пробы рудничного воздуха показали, что туда можно спускаться людям и продолжать поиски погибших горноспасателей». Копий статей в папке собралось немало. Он пробежал глазами по заголовкам: «Трагедия в шахте», «Выброс метана», «Ленточный конвейер», «Пожар в штреке», «Погибшие горноспасатели». Печальная летопись.

Основными причинами второго взрыва стали остановка вентиляторов главного проветривания и разрушение надшахтных зданий, приведшее к нарушению вентиляции, разрушению изолирующих перемычек и накоплению метана по всей шахте. Также повторному взрыву способствовало наличие источников воспламенения после первого взрыва.

Судя по датам, Наташа начал собирать материалы о трагедии два года назад. В папке накопилось достаточно много материалов. Она «копала» глубоко, посылала запросы в различные официальные дистанции. Особо была выделена одна глава.

«Кто виноват? Официальная версия»

Эксперты сказали – все горноспасатели и шахтёры во время первого взрыва погибли мгновенно. Спасти их было нельзя. Но можно ли было предотвратить новые жертвы? Ведь за время поисково-восстановительных работ число погибших выросло до тридцати девяти. И кто ответил за гибель людей? Эти вопросы до сих пор мучают многих. Я попыталась задать их в Военизированной горноспасательной части. Вот ответ:

«Правительством РФ для расследования причин аварии и группового несчастного случая на шахте „Центральная“ была создана правительственная комиссия. Материалы расследования аварии находятся в архивах правительственной комиссии, проводившей расследование аварии».

Следующий запрос был направлен в правительство России. Официальная переписка заняла несколько недель, но ответ все же пришел.

«Правительственные комиссии создаются после произошедших крупных аварий для оказания помощи пострадавшим и семьям погибших в результате аварии, а не для расследования причин аварии, – поступил ответ из Департамента промышленности, энергетики и транспорта правительства РФ. – Для технического расследования причин аварии комиссии создаются и возглавляются территориальными управлениями Ростехнадзора. В связи с этим ваше обращение направлено в Уральское управление Ростехнадзора и в правительство N-ской области. В архиве Минэнерго России не хранятся документы 1999 года. Все документы периода от 1999 года и ранее переданы на хранение в Государственный архив РФ. Вопросы наказания и привлечения к ответственности занимаются судебные органы. В 1999 году таким органом была прокуратура. Считаем, что интересующая вас информация может быть получена в Государственном архиве РФ».

Все запросы в официальные инстанции были отправлены на бланках сайта uglegorsk.ru. И ответы приходили на этот адресат.

У нас по-прежнему государство не горит желанием общаться с личностью и старается минимизировать информацию в отношениях с частными лицами, особенно если она касается щекотливых или неудобных тем, вздохнул Плотник. Он понял, почему Наташа воспользовалась помощью журналистского сайта. Так легче добыть информацию. Скорее всего, она попыталась это сделать сама, но столкнулась с волокитой и бюрократией. К тому же ей не повезло. Запросы сделаны в 2019 году, авария произошла двадцать лет назад. И именно в 1999-й оказался последним, когда документы, датируемые этим годом, были сданы в Госархив России. И цепочка растянулась. Что касается причин аварии и масштаба последствий, тот тут пролить свет помог ответ из Уральского Ростехнадзора.

«Во время работы ленточного конвейера лавы 5а-10-18 возник пожар с последующим завалом выработки и взрывом метана. Комиссия пришла к выводу, что при работе конвейера от трения ленты о неисправный ролик или на заштыбованном участке нижней ветви возник высокотемпературный локальный очаг загорания угольной мелочи. При остановке конвейера от этого очага загорелось полотно конвейерной ленты. Развитию пожара способствовало отсутствие воды в противопожарном трубопроводе и наличие непригодных к использованию огнетушителей, что не позволило сработать автоматической системе пожаротушения и воспользоваться первичными средствами пожаротушения, а также то, что в конвейерном штреке с исходящей струёй воздуха, за исключением мест установки приводных станций конвейеров, применена горючая (деревянная) крепь. Накопление метана до взрывной концентрации произошло в результате сокращения количества воздуха в результате завала в районе пожара».

Но сами углегорские горняки в результаты официального расследования не поверили. Плотник вчитался в запись разговора Наташи с непосредственным участником тех событий Юрием Нифоновым.

– Ленточное полотно – только несгораемое – допускается в шахту или трудносгораемое. На поверхности-то любое можно, а там – чтобы спичку поднесли, и лента загорелась – такое исключено теоретически.

Плотник и сам слышал такую точку зрения, ходившую среди шахтеров. Далее Наташа писала уже от руки.

Большинство горноспасателей, участвующих в ликвидации пожара, были опытными. За неделю до взрыва проходили учения горноспасателей. А родные погибших уверены – их смерти можно было избежать.

Можно ли было не отправлять горноспасателей на глубину? Это вопрос так и остался открытым. Впрочем, мнение шахтеров было однозначным. Шамиль Дамиров вспоминает.

– В этот день, 7 октября, у главного инженера шахты был день рождения. Отмечали в спортивно-оздоровительном комплексе. За счёт наших средств (мы выходили на субботник) построили. Хорошее здание, капитальное. Первый этаж – спортивный зал с душевыми, с раздевалками. Второй этаж – бассейн, сауна, душевые. Третий этаж – спортивный, тренажёрный, два бильярда и теннисный стол. Вот они там отдыхали. Начали еще днем. Когда все случилось, начальники уже приняли на грудь. В таком виде и отдавали приказы. И послали! Четыре отделения. Для чего?

Главной причиной горняки считают ошибку конструирования шахты.

– Изначально, когда эту лаву начали отрабатывать, в проекте была заложена опрокинутая струя воздуха, – рассказал мне шахтёр Виктор Харисов. – Должна идти свежая струя через конвейерный штрек, а нам её подавали через вентиляционный штрек. Это грубейшее нарушение. Грубейшее нарушение! Это любому шахтёру скажите. Кто подписывал эти документы? Как это разрешали? Это вообще вопиющий случай! Километр выработки надо было пройти,

чтобы это сделать, как положено. На этом, наверное, сэкономили. Только ради этого могли пойти на такое преступление.

Виктор уверен – будь проветривание организовано правильно, и горняки обнаружили бы пожар гораздо раньше.

– Им воздух бы принёс запах, сразу бы пришли, посмотрели – где что. Неоднократно такое было. Где-то лента начинает тереть, задымится. А она прежде, чем загореться, будет дымиться. Дым учуем, пойдём, посмотрим. Если что, ликвидируем это. А тут струя уходила от лавы. Воздух свежий нам поступает, и мы и не знаем, что там горит.

С этой версией согласен и бывший директор шахты Владимир Войцех. Он возглавлял «Центральную» до 1983 года. За время его руководства не было ЧП с гибелью шахтёров, и «Центральная» считалась одной из самых безопасных в стране.

– Главная причина, по которой произошла эта беда, кроется в нарушении правил безопасности. Особенно в проветривании этого предприятия, а оно относилось к высшей категории опасности. Потому что метана выделялось на этой шахте на тонну добытого угля больше, чем на какой-либо, – рассказал Владимир Николаевич. – Тут применили схему, которая препятствовала такому свойству лёгкого газа – идти вверх, его, наоборот, стали прессовать и не пускать наверх. За какое-то время этот газ скопился, и исходящая струя, насыщенная метаном, была направлена на выработки, оснащённые механизмами и кабелями. И вообще, там, где трение было возможно, где могло возникнуть образование огня.

Могли ли пойти на неверную схему вентиляции ради экономии в 1999 году? Учитывая экономические условия в стране, задержки зарплат и попытки спасти угольную отрасль любой ценой? Ответы кажутся очевидными. Впрочем, и задать эти вопросы уже некому – директора шахты нет в живых, как и многих, кто принимал тогда решения. В 1990-х угольная промышленность однозначно переживала худшие в истории времена. Тогда говорили о нерентабельности угледорского угля и о том, что дешевле привозить его, например, из Казахстана или Кузбасса.

Следственными мероприятиями руководил прокурор области. В качестве возможных версий случившегося рассматривалась неисправность электрооборудования и нарушение технологии угледобычи. Также одной из причин взрыва мог стать внезапный выброс метана.

В конце года Ростехнадзор предоставил акты о несчастном случае на производстве. В документе были указаны причины первого и второго взрывов, а также названы виновники трагедии. Экспертная комиссия ведомства озвучила основные причины возникновения аварии и дальнейшего её развития – это нарушение пылевого режима шахты; отсутствие должного контроля за признаками самонагрева угля со стороны работников шахты; неисполнение предусмотренных проектами профилактических мероприятий по предотвращению эндогенного нагрева угля; неустойчивость электроснабжения шахты. Также Ростехнадзор назвал 24 виновника трагедии, среди которых служащие шахты различных рангов: обычные механики, начальники участков и директор шахты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.